

УДК 091.6(=161.1)

Е.А. Поляков

**Черновик челобитной записи на имя
Феодосьи Прокофьевны и Ивана Глебовича Морозовых,
обнаруженный в экземпляре Трефологиона,
декабрь-февраль (Москва, 1638)**

В публикации рассматриваются индивидуальные особенности экземпляра Трефологиона, декабрь-февраль (Москва, 1638), который хранится в фонде ЦНБ НАН Беларуси. Акцентируется внимание на анализе рукописной записи, имеющей характер незаконченной челобитной.

Ключевые слова: кириллические издания, черновик, челобитная, Ф.П. Морозова, Ярославский уезд.

Е.А. Polyakov

**Rough copy of the petition
to the Feodosya Prokofievna and Ivan Glebovich Morozov
discovered in the copy of the Trepologion,
december-february (Moscow, 1638)**

The article considers the individual features of the Trepologion, december-february (Moscow, 1638), that is kept in the CSL of NAS of Belarus. Attention is focused on the analysis of the handwritten record which has the character of an unfinished petition.

Keywords: cyrillic publications, rough copy, petition, F.P. Morozova, Yaroslavl county.

Под влиянием среды книги обретают свою индивидуальность, становятся свидетелями и соучастниками истории. Так, основу многих коллекций кириллических изданий составляют книги, которые долгое время хранились у старообрядцев. Это закрытое сообщество не могло не повлиять на индивидуальные особенности бытующих у них книг. Отметим, что к их числу принадлежит заметная часть старопечатных кириллических книг, хранящихся в фондах Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа

Национальной академии наук Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). Наша работа посвящена рассмотрению индивидуальных особенностей экземпляра Трефологиона, декабрь – февраль, (Москва, 1638) [1], который включен в коллекцию книг кириллической печати (ОРКиР) ЦНБ НАН Беларуси. Обнаруженные в нем записи представляют собой большую ценность и интерес, дают основания полагать, что данный экземпляр долгое время хранился в старообрядческой среде, пересекал значительные территории, становился свидетелем разнообразных событий. Анализ одной из рукописных записей поможет нам полнее раскрыть историю бытования данного экземпляра.

На обороте последней страницы мы можем прочесть следующую запись: «Г(о)суд(а)р(ы)нѣ Феодос(ь)ѣ Прокофьев(ь)нѣ і г(о)с(у)д(а)рю Ивану | Глѣбовичю бьет челом і плачется бѣдноу і бѣ спомочноу сирота ваш Ярославскаго | уезду Верховннго Стану села Глѣбовскаго | д(е)р(е)вни Тетерина Степка Тимошеев | 7173го [1664] сентябрь»¹ – XVII в., скорось.

Эта запись, по форме являющаяся началом челобитной грамоты, полагает Н.А. Ефимова, была обращена «...к боярыне Феодосье Прокофьевне Морозовой, духовной дочери мятежного Аввакума, и ее сыну, которые до окончательной конфискации огромных богатств были одними из самых богатых поместных владельцев в России» [2]. Исследователь считает ее «...своеобразной дарственной записью...» к книге, которая потом хранилась в библиотеке легендарной боярыни [3].

Нам удалось подтвердить, что запись действительно обращалась к вдовствующей боярыне Морозовой и ее подрастающему сыну. Отметим, что для челобитных и отписок на имя боярина было естественно, если они «...испещрялись словом государь, которое ставилось всюду, где только малейший случай позволял делать обращение к лицу помещика» [4]. Удалось выяснить, что село Глебовское, к которому примыкала деревня Тетерино, являлось составной частью вотчины боярыни Феодосьи Прокофьевны Морозовой. В работе «Крупное крепостное хозяйство XVII в.» Д.И. Петрикеева сообщается, что в Ярославском уезде в 1639 г. боярин Б.И. Морозов, деверь Феодосьи, «...купил с. Глебовское и 27 деревень, принадлежавших ранее вдове кн. И.А. Хованского» [5].

¹ Возможно имеется в виду Глебовское сельское поселение (на правом берегу реки Волги), которое теперь находится в Рыбинском районе Ярославской области. Современная деревня Тетерино находится от Глебово на расстоянии в 70 км.

Уточняют эту информацию приложенные А.Н. Зерцаловым купчие. В них сообщается, что не только Борис Иванович участвовал в заключении договора: «На Ярославскую вотчину боярамъ Борису Ивановичу да брату его Глебу Ивановичу Морозовымъ на сельцо Глебовское съ деревнями и съ починки и съ пустошми на 301 четь, прежняя купчая дана была во 147 г.» [6], то есть, в 1639 г.²

Д.И. Петрикеев делает вывод, что с. Глебовское с деревнями, вероятно еще при жизни Б.И. Морозова, перешло к его брату Глебу, так как «...в 1663 г. оно отказано жене Г.И. Морозова» [7], то есть передано во владение Феодосье Прокофьевне. Учитывая, что рассматриваемая нами запись на имя Феодосьи Прокофьевны и Ивана Глебовича датирована 1664 г., догадка Н.А. Ефимовой о том, что запись обращена к легендарной боярыне выглядит убедительной.

Интерес вызывает и теория исследовательницы, что рассматриваемая нами книга могла находиться в библиотеке боярыни. Эта запись, по форме являющаяся началом челобитной грамоты, выглядит незаконченной, т.к. в ней, согласно структуре С.С. Волкова, содержится только заголовок, а собственно изложения мотивов для обращения, прямой просьбы нет [8]. Исходя из этого рассматриваемую запись можно посчитать черновой работой, росчерком пера, или же вариантом дарственной записи к книге на которой она была помещена.

В утверждение последней теории может служить следующее замечание С.С. Волкова: «В разговорно-бытовой речи XVII в. бить челом выступает также в значениях “приветствовать”, “благодарить”, “преподносить в дар”, “кланяться, приветствуя при прощании”. Естественно, – продолжает ученый, – что фразеологизм бить челом в этих разговорно-бытовых значениях мог употребляться и в актовой письменности» [9]. Любопытно то, что на территории Великого княжества Литовского «“Челобитьем”, – по замечанию С.А. Бершадского, – назывался подарок В. Князю за всякое вообще пожалование» [10]. А.И. Груша выделяет на территории ВКЛ не только «челобитья» к правителю с целью получения тех или иных прав, но и «...дары-“челобитья” поданных должностным лицам с целью получения каких-либо услуг...» [11], а также «Дары-“челобитья” частным лицам с целью

² [7]147 г. – год от сотворения мира. Чтобы перейти к летоисчислению от Рождества Христова необходимо отнять 5508 лет.

получения владений и услуг, освобождения от выполнения обязанностей в пользу данных лиц, заключения примирения» [12].

В Московском царстве традиционные для того времени даропринятия, склоняющие высокопоставленные лица к более благоприятному и скорому исполнению законов, обозначаются группой ученых³ как «поминки» и «почести» [13]. П.В. Седов пишет, что: «"Почесть" была призвана выразить уважение к тому, кому она предназначалась. Это традиционное значение "почести" в той или иной мере сохранялось и в XVII в.» [14]. Исследователь отмечает, что: «Почесть обслуживала в числе прочего и средневековые отношения покровительства» [15]. Роль «почести» в иерархически построенных отношениях трудно переоценить, вместе с тем в XVII в. довольно трудно ограничивать «почесть» от взятки. К примеру, исследователь пишет: «Челобитчики не упускали случая поздравить приказных с новосельем, именинами и свадьбами домашних или выразить свои сожаления по поводу пожара. Без «почести» было трудно даже подступиться ко вновь назначенным приказным людям» [16]. Исходя из этого, предполагаемая «челобитная-почесть» Степана Тимофеева могла бы быть продиктована уже тем, что боярыня Феодосья Прокофьевна лишь за год до этого вступила в права собственности имением мужа.

При этом, по замечанию П.В. Седова: «Существование "почести" состояло не в материальной ценности подносимого, а в самом факте почтения. Подношение икон, церковных книг, освященной воды, пасхальных яиц наиболее точно выражает нематериальный характер "почести"» [17]. Отметим, что для боярыни Феодосьи Прокофьевны подношение дореформенной богослужебной книги могло оказаться особенно ценным. Аввакум в сочинении «О трех исповедницах слово плачевное» подчеркивает интерес своей духовной ученицы к чтению: «Прилежаше бо Феодосья к книжному чтению и черплюше глубину разума от источника словес евангельских и апостольских» [18]. Согласно Аввакуму, боярыня высоко ценила имеющиеся у нее дореформенные книги: «...и слагаю персты по преданию святых отец, и книги держу старые, нововводная же вами вся отmeshу и проклиная вся!» [19].

Он также делится любопытными деталями как разбирается деловая документация в доме Морозовой: «Бывало, сию с нею и книгу чту, а она прядет и слушает, или отписки девицы пред нею

³ Н.Ф. Демидова, П.В. Седов.

чтут, а она прядет и приказывает, как девице грамоту в вотчину писать» [20]. Согласно И.Е. Забелину, непосредственное ведение подобных дел это была нормальная, но не обязательная практика в доме крупных хозяйственников: «Челобитные, приказчиьи отписки и донесения, присылаемые сыскные дела, допросные речи, читались перед боярином или перед главным приказчиком» [21]. Похоже, что боярыня Феодосья Прокофьевна старалась вести хозяйственные дела самостоятельно, как некогда вел их ее деверь. Она сама непосредственно могла принимать решения волнующие челобитчика, в связи с чем особенно ценной выглядела бы возможность преподнести ей дар.

Однако предположение о том, что изучаемая запись является дарственным документом сталкивается с серьезными препятствиями. Известно, что пустые листы в кириллических книгах нередко использовались в качестве черновиков для написания писем и официальных бумаг. В соседстве с приведенной записью на том же листе умещается множество иных незавершенных записей, проб пера. В дополнение к этому нам неизвестны случаи использования формул челобитных в кириллических книгах для оформления дарственных записей. В итоге мы считаем маловероятным то, что книга была преподнесена в дар знаменитой боярыне. Однако она успешно сохранила в себе намерение Степана Тимофеева написать Феодосье Прокофьевне челобитную на неизвестную нам тему.

К сожалению, «бедной и беспомочной сирота» Степан Тимофеев не оставил очевидного следа в истории, но мы все же можем попытаться сделать некоторые выводы о его статусе по тем сведениям, которыми обладаем. С большой долей уверенности мы можем утверждать то, что он принадлежал к крестьянскому сословию. С.С. Волков пишет, что «В частно-деловых крестьянских челобитных – прошениях, жалобах, повинных довольно часто (42 случая из 238) встречается употребление *бить челом* в сочетании с глаголом плакаться...» [22]. Между тем, как изредка «... (4 челобитных из 502) такое словосочетание мы встречаем и в официально-деловых челобитных» [23]. Согласно И.Е. Забелину, в «...отношении к своей личности челобитчик испещрял свою речь словом холоп, если он был человек, т.е. дворовой, или словом сирота, если он был крестьянин и вообще земец» [24].

Сверившись с актами хозяйства боярина Б.И. Морозова, нам удалось подтвердить, что приказчики и слуги боярина

обращались к нему как «холопы» [25], крестьяне или наемные рабочие как «сироты» [26]. Однако возможно то, что грамотность Степана Тимофеева, владение ценной книгой, адресованная непосредственно боярыне в Москву челобитная грамота говорят нам о его особом статусе. Согласно Д.И. Петрикееву: «Кроме приказчика, в морозовской администрации на периферии в отдельных владениях мы встречаем некоторые другие категории лиц, назначаемых боярином для выполнения тех или других обязанностей по вотчинному управлению. Сюда относятся приставы, “слуги”, таможенные и кабацкие головы, ларешные целовальники» [27]. Нам удалось выяснить, что некоторые члены морозовской администрации: таможенный и кабацкий голова, ларешные целовальники, которые отвечали за таможенные и кабацкие сборы, винокурни, солодовни, мельницы и т.п., именовались «сиротами» [28], а не «холопами». И это может объясняться тем, что Б.И. Морозов требовал, чтобы они выделялись из числа зажиточных крестьян [29].

Вместе с этим зажиточный статус Степана Тимофеева может легко оказаться преувеличен. Однако мы не можем опираться на применяемую челобитчиком к самому себе группу определений: «бедной и беспомочной», которые являются традиционными для подобных документов. Они представляют собой обобщенное средство, с помощью которого челобитчик старается вызвать к себе сочувствие и тем самым добиться удовлетворения своей просьбы: «...бедным может быть и сидящий в тюрьме ростовский кирпичик <..> и сотник московских стрельцов <..> и подлючник царского Хлебного дворца» [30]. Однако отметим, что с. Глебовское с приписанными деревнями насчитывало около 111 дворов с численностью всего в 208 мужских душ [31]. Вместе с этим назначение на подобные должности могло не только иногда давать ощутимые преференции, но и заметно отягощать, «... ибо через эту службу очень много теряли в своих собственных промыслах» [32]. Так, у Б.И. Морозова было строго заведено следить за всеми таможенными и кабацкими доходами, он вызывал для отчета в Москву таможенного голову и ларешных целовальников. В 1659 г. боярин писал: «А таможенных бы голов и ларешных целовальников з зборными таможенными книгами высылать для отчету самих, а не редовых целовальников» [33]. Возможно, что по этой причине Степан Тимофеев был вынужден держать

путь из Ярославля в Москву, а намерение передать боярыне че-
лобитную выступало уже следствием данного обязательства.

Любопытна последующая судьба рассматриваемой книги. Если допустить, что Трефологион хранился в библиотеке знаменитой боярыни, то большой интерес может вызвать то, с чем ему возможно пришлось столкнуться, когда Феодосья Прокофьевна начала переживать трагические эпизоды своей жизни. Известно, что после смерти ее сына, Ивана Глебовича, «...вся вотчины и домовная быша в разграблении» [34]. Родственники сумели получить лишь малую долю богатств сестры. «Часть своего имущества (сундук и “две коробки”) Феодора пыталась укрыть в Троице-Сергиеве монастыре, но в ноябре 1672 г. эти ценности были обнаружены властями и переданы ее братьям» [35]. А все остальное имущество, «...вещи все – золотые и серебряные, и жемчужные, и иже от драгих камней, – все распродати повеле» [36]. Судя по другим оставшимся рукописным записям в изучаемой книге, ясно то, что в 1727 г. Трефологион находился уже в старообрядческой общине, которая проживала в лесах у реки Керженец, в Нижегородской губернии [37]. О том, как происходила передача книги от Ярославского крестьянина или мятежной боярыни к Нижегородским староверам остается лишь предполагать, так как церковный раскол значительно влиял в то время как на судьбы многих людей, так и книг.

Мы рассмотрели лишь одну из рукописных записей, обнаруженных в данном экземпляре, хранящемся в ОРКиР ЦНБ НАН Беларуси. Работа по выявлению и описанию индивидуальных особенностей старопечатных книг из фонда ЦНБ НАН Беларуси является важной составляющей научного описания изданий. Информация, которую содержат рукописные записи, и другие приобретенные книгой отличительные черты, могут представлять интерес как для историков и книговедов, так и для широкого круга любителей этих наук.

1. Трефологион, вторая четверть (декабрь-февраль). Москва : тип. Печат. двор, 7 янв. 1638. 723 л. Шифр: К16-18/Ср230.

2. *Ефимова Н. А.* Записи XVI–XVII вв. на книгах кирилловской печати [новая редакция] // Путь длиною в полстолетия : к 50-летию образования отд. редких кн. и рукоп. Центр. науч. б-ки им. Я. Коласа Нац. акад. наук Беларуси : [сб. ст.] / Нац. акад. наук Беларуси, Центр. науч. б-ка им. Я. Коласа ; сост.: А. В. Стефанович, М. М. Лис. Минск : Беларус. навука, 2015. С. 63–64.

3. Там же. С. 64.
4. *Забелин И.Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII-ый век) // Вестник Европы. 1871. Т. 1. С. 502.
5. *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. // Ленинград : Наука, 1967. С. 21.
6. *Зерцалов А.Н.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. // Москва : Унив. Тип., 1890. С. 235.
7. *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в ... С. 29.
8. *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII в. // Ленинград : изд-во Ленингр. ун-та, 1974. С. 22.
9. Там же. С. 36.
10. *Бершадский С.А.* Литовские евреи. История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. 1388–1569 гг. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. С. 275–276.
11. *Груша А.И.* И вновь о взаимных дарах: Добрососедство, прагматизм и благотворительность в отношениях между русинами и литвинами в Великом княжестве Литовском в первой половине XVI века // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Санкт-Петербург : [б. и.], 2015. № 2. С. 175.
12. Там же. С. 176.
13. *Седов П.В.* Подношения в московских приказах XVII в. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139–150.
14. Там же. С. 142.
15. Там же.
16. Там же. С. 140.
17. Там же.
18. О трех исповедницах слово плачевное протопопа Аввакума [Электронный ресурс] // Книгохранилища Якова Кротова. URL: http://krotov.info/acts/17/lyzlov/avva_tri.html (дата обращения: 30.07.2021).
19. Там же.
20. Там же.
21. *Забелин И.Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII-ый век) ... С. 502.
22. *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII в. ... С. 39.
23. Там же. С. 39.
24. *Забелин И.Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII-ый век) ... С. 502.
25. Акты хозяйства Боярина Б.И. Морозова : в 2 т. / редкол.: А.И. Яковлев (гл. ред.) [и др.]. Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1940. Т. 1. С. 153.
26. Там же. С. 125.
27. *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. ... С. 74.
28. Акты хозяйства Боярина Б.И. Морозова : в 2 т. ... Т. 1. С. 131.
29. *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. ... С. 76.
30. *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII в ... С. 133.
31. Там же. С. 31.
32. *Забелин И.Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII-ый век) ... С. 476.
33. Там же. С. 77.
34. О трех исповедницах слово плачевное протопопа Аввакума ...

35. Седов П.В. Судьба кремлевского двора боярыни Ф.П. Морозовой в контексте ее противостояния с царем // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 20.

36. Повесть о боярыне Морозовой и о трех исповедницах слово плачевное протопопа Аввакума [Электронный ресурс] // Книгохранилища Якова Кромова ...

37. Поляков Е.А. Из истории рукописной записи, обнаруженной в экземпляре Трефологиона, декабрь-февраль (Москва, 1638) // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов, 2021 : материалы VI Междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 мая 2021 / Междунар. ассоц. акад. наук, Науч. совет по книгоизд. [и др. ; сост.: Л.А. Авгуль, Н.В. Вловина ; редкол.: Л.А. Авгуль др.]. Минск ; Москва , 2021. С. 455–461.

УДК 655.418.3(571)(091)"19/20"

А.Л. Посадсков

Личность издателя как фактор развития книжной культуры в восточных регионах России (90-е гг. XX – 10-е гг. XXI в.)

Публикация посвящена исследованию влияния личных качеств издателей на состояние региональной книжной культуры. Рассматривается пример издателей Сибири и Дальнего Востока в период реформаций конца XX – начала XXI в. Автор приходит к выводу, что мощным фактором институализации частного книгоиздания в России на рубеже эпох явился интеллектуальный и творческий потенциал издателей.

Ключевые слова: книгоиздание, частные издательства, Сибирь, Дальний Восток, конец XX – начало XXI в.

A.L. Posadskov

The personality of the publisher as a factor in the development of book culture in the Eastern regions of Russia (the 90s of the 20th – the 10s of the 21st century)

The publication is devoted to the study of the influence of personal qualities of publishers on the state of regional book culture. The example of publishers of Siberia and the Far East during the reformation period of the late XXs – early XXI century is considered. The author